

Цирулев Александр Федорович

О ПРИНЦИПАХ СЮЖЕТОБРАЗОВАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ С. Т. АКСАКОВА И Л. Н. ТОЛСТОГО

В статье рассматриваются автобиографические циклы С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого в плане сюжетообразования и воплощения способов "художественной самообъективации". Основу сюжета жизнеописания Аксакова образует логика личного самораскрытия, а не принципы "творческой памяти" и "детской идентичности" повествования. В автобиографии Толстого господствует метод углубленного психологизма. Аксаков осваивает формы автобиографизма, в котором анализируются глубинные связи человеческого "я" с культурным наследием нации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/62.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 215-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

Устные рассказы моих информантов останутся в источниковой базе башкирского военного фольклора. Пройдут года, и может быть они будут использованы исследователями как фактический материал при изучении истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Одним из факторов продолжения башкирско-украинских связей в фольклористике является обращение автора этих строк к методике незаслуженно преданного забвению украинского исследователя Р. М. Волкова [5]. Р. М. Волков разрабатывал характеристику стилиевых средств и делал сравнительный анализ сюжетосложения главным образом на материале восточнославянских сказок о невинно гонимых [Там же]. Названный сюжет широко известен и у башкир, поэтому целесообразно было применить методику Р. М. Волкова при рассмотрении проблемы сюжетосложения и стиля башкирской волшебной сказки [8]. Ведь исследователь писал, что «можно установить особенности сказочного стиля не только отдельных народов, но и дифференциацию стиля среди одного и того же народа, а вместе с тем и то общее, что есть в стиле сказки у всех народов мира» [5].

Сегодня, как пишет Э. В. Егорова, «самым тревожным и серьезным событием в политической жизни России стали события, происходящие на территории другого суверенного государства – Украины», и «не стоит ждать завершения конфликта, чтобы понять логику его завершения» [6, с. 60], а необходимо помнить, как много у нас общего, даже с далеким регионом России – Республикой Башкортостан.

Список литературы

1. Атанова Л. П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. Уфа: Молодежная газета, 1992. 190 с.
2. Ахатова Ф. Г. Народная музыкальная культура башкир. Уфа: Гилем, 2007. 92 с.
3. Ахатова Ф. Г. Украинские песни в Башкортостане. Уфа: Гилем, 2000. 146 с.
4. Береговский М. Я. Башкирские народные музыкальные инструменты // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2.
5. Волков Р. М. Сказка: розыскания по сюжетосложению народной сказки. Одесса: Госиздат Украины, 1924. Т. 1. Сказка великорусская, украинская и белорусская. 227 с.
6. Егорова Э. В. Украинский кризис: образ России в англоязычных электронных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. 1. С. 60-65.
7. Киреев А. Н. Роль русских и украинских ученых в становлении башкирской фольклористики и этнографии // Фольклористика Российской Федерации. Л.: Издательство «Наука», 1975. С. 52-58.
8. Хусайнова Г. Р. Применение сравнительной методики Р. М. Волкова к изучению стиля и сюжетосложения башкирских сказок о мачехе и падчерице // Питання літературознавства: науковий збірник. Львів: Чернівецький ун-т, 1993. Вып. 1. С. 168-180.

THE UKRAINIAN THEME IN BASHKIR FOLKLORE STUDIES

Khusainova Gul'nur Ravilovna, Ph. D. in Philology

*Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
bashfolk@yandex.ru*

The article represents the activity of the Ukrainian folklorists-musicologists F. E. Kozitsky, M. Ya. Beregovsky, evacuated during the Great Patriotic War of 1941-1945 and involved in the theoretical study of the Bashkir folklore. The author of the article briefly states that there are facts of their stay in the Kharkiv region at the end of 1944 in the memoirs of contemporary informants. It is noted that the Ukrainian-Bashkir relations in folklore studies continue today, in particularly the methods of the Ukrainian scientist R. M. Volkov are used in the study of the Bashkir fairy tales.

Key words and phrases: the Bashkir folklore; the evacuated Ukrainian scientists; the Ukrainian-Bashkir relations.

УДК 82

Филологические науки

В статье рассматриваются автобиографические циклы С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого в плане сюжетообразования и воплощения способов «художественной самообъективации». Основу сюжета жизнеописания Аксакова образует логика личностного самораскрытия, а не принципы «творческой памяти» и «детской идентичности» повествования. В автобиографии Толстого господствует метод углубленного психологизма. Аксаков осваивает формы автобиографизма, в котором анализируются глубинные связи человеческого «я» с культурным наследием нации.

Ключевые слова и фразы: жанр; модификация; культурологический тип; сюжет; творческая память; «я» – герой.

Цирулев Александр Федорович, к. филол. н.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
tzirulev.al@yandex.ru*

О ПРИНЦИПАХ СЮЖЕТООБРАЗОВАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ С. Т. АКСАКОВА И Л. Н. ТОЛСТОГО[©]

Трилогия Л. Н. Толстого явилась замечательным обобщением тех свершений, которых добилась русская автобиографическая словесность за первую половину XIX века – эпоху расцвета и небывалого подъема

мемуарно-автобиографических повествований. Вместе с тем, толстовское творение стало мощным катализатором для новых открытий в сфере художественного самопознания. Благодаря Толстому, во-первых, укрепляются и усиливаются позиции так называемого «психологического автобиографизма», а во-вторых, Толстой своими сочинениями «узаконивает» право художника-автобиографа на широкие обобщения философско-онтологического характера. Ярким выражением обеих этих тенденций становится выдающееся жизнеописание С. Т. Аксакова «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука». В данной статье предпринимается попытка выявить механизм сюжетообразования в автобиографических сочинениях С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого. Автор стремится понять соотношение повествовательных уровней, имеющих концептуальное значение, типологическую общность методов двух художников и коренную разницу их поэтических систем в сфере «художественной самообъективации».

С. Т. Аксаков строит свою «исповедь» как открытие ребенком большого мира, полного очарования и смысла. «Книга должна быть написана, – раскрывает свой замысел писатель, – не подделываясь к детскому взгляду и как будто для взрослых...» [1, с. 36]. Это указание послужило для некоторых критиков основанием утверждать, что главным сюжетообразующим элементом в автобиографии Аксакова является *память* и что ее «прихотливый бег» формирует сюжет произведения. Так, Г. Ш. Кузьмина заявляет: «В дилогии Аксакова показана “драматичность человеческой жизни в беспрестанном тяготении к трансцендентному, вечному, истинному, которое возможно только в категории Память, в дилогии она материализуется через образ родословной» [4, с. 6]. По мысли другого критика, С. Т. Аксаков написал книгу, не имевшую аналогов в русской литературе, поскольку в ней «показана жизнь, увиденная глазами ребенка» [8, с. 42].

Все это верно. Однако не следует забывать о том, что «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» – это сложное и многослойное образование, в котором выделяются не один поэтический уровень («художник» и его «творческая память») и даже не два («художник» и его «автогерой»), а несколько уровней или ряд идейно-художественных пластов. В частности, Н. Г. Николаева настаивает на том, что «повествовательная структура “Детских годов Багрова-внука” формируется... тремя повествовательными инстанциями: герой, рассказчик Багров (назовем его “взрослый рассказчик”) и “автор-издатель”» [6, с. 121]. При этом, как она утверждает, «мир показывается изнутри сознания растущего героя» [Там же].

На первом плане в трилогии С. Т. Аксакова располагается автобиографический герой. Через призму сознания юного Багрова читатель видит реальность и быт старозаветного семейства. Тем не менее – это лишь первый уровень образной системы произведения. Его можно обозначить как *микромир* аксаковского повествования. За ним (и наряду с ним) в аксаковском сочинении обнаруживает себя и другой поэтический уровень, который связан с первым. Речь идет о внешнем (по отношению к Сереже) мире людей как некой духовной константе, которую стремится постичь герой и которая выступает в произведении как модель *макромира*, обрисованного писателем.

«Мышление С. Т. Аксакова, – как точно указывает в своей работе Е. И. Анненкова, – это прежде всего мышление человека культуры» [2, с. 17]. И модель среды вокруг героя предстает у писателя прежде всего как *культурологическая константа*, которая сама по себе является органическим элементом художественного целого. С. Т. Аксаков не просто «вспоминает» «милые сердцу стародавние времена», но и воссоздает – каким образом его герой приобщается к миру русской культуры. Все обширное повествование С. Т. Аксакова пронизывает, используя выражение Л. Толстого, «мысль семейная», которую иначе можно обозначить как «концепция Дома». Автора степной семейной саги волнует проблема взаимодействия детского «я» с теми формами патриархального сознания, носителями которого в произведении являются его родные. Общаясь с матерью, отцом и дедом Степаном Михайловичем, то есть людьми, которые олицетворяют собой глубинные черты русского национального характера, Сережа растет как личность и гражданин.

То есть не идея «творческой памяти» (Г. Ш. Кузьмина) как таковая и не идея «духовного роста личности» сама по себе (В. В. Сальникова) «держат на себе» повествование у Аксакова, а «мысль семейная», взятая в культурологическом аспекте. Именно это начало *сюжетно организует* собой художественную ткань уже в «Семейной хронике», где (по справедливому замечанию Е. И. Анненковой и С. И. Машинского) автобиографизм еще только-только вызревал и где важную роль играла фигура деда Сережи – Степана Михайловича Багрова. Это же начало еще более заметно, еще более осязаемо доминирует в поэтике «Детских годов Багрова-внука», стягивая к себе все фрагменты и части художественного текста.

Критики уже отмечали, что аксаковскому жизнеописанию не свойственны тот психологизм и та глубина погружения во внутренний мир ребенка, каковые отличают автобиографию Толстого. «Психологическая рефлексивность в духе Руссо, – констатирует один из них, – была чужда С. Т. Аксакову» [7, с. 242]. Герой «Детских годов...», по мнению другого, «...видит недостатки, свойственные окружающей его среде, но он никогда не пытается противопоставлять себя ей... И в этом заключается существенное отличие Сережи Багрова от Николеньки Иртеньева» [5, с. 486]. Несмотря на это, отказывать Аксакову в психологическом мастерстве было бы неверно, поскольку в его автобиографии мы находим удивительно тонкое и глубокое проникновение в сферу детских чувствований и переживаний. Аксаков, в самом деле, как никто другой, умеет убедительно и точно показать изнутри сознание, восприятие малыша, а затем подростка, способного отзываться на малейшие позы и колебания внешнего мира. Но психологизм Аксакова имеет другую художественную основу и другой характер, нежели толстовский. Толстой ставит своей задачей высветить истоки добра и зла. Именно поэтому в фокусе его внимания оказывается непрерывное противоборство эгоистического и гуманного, а также мельчайшие детали этого процесса. Аксакову – с его художественным заданием –

не требуются подобного рода «мелочность» и аналитичность. Он сосредоточивается на изображении *роста детского сознания в процессе приобщения к извечным основам русского духа*, к тому, что называется русской духовной традицией. В этом плане перед нами – цельное, нерасчлененное детское сознание, «диалектичность» и противоречивая сущность которого как бы выводится за скобки.

Зато другая грань толстовского жизнеописания, а именно – его «поэтическая» тональность, – оказывается весьма близкой и созвучной Аксакову. На светлую, «поэтическую» окрашенность аксаковской трилогии обращали внимание многие ее ценители. Одни писали о том, что «...книги С. Т. Аксакова несут в себе светоносную личность автора» [3, с. 210]. Другие доказывали, что «...в читательском восприятии всегда останется воспоминание о “Детских годах” С. Т. Аксакова как об одной из самых светлых страниц русской литературы» [6, с. 132].

Вместе с тем, «поэтическая» (светоносная) идея, сближающая двух художников, выполняет в цикле Аксакова иную, нежели у Толстого, художественную функцию. У Толстого она выступала как «инобытие» и способ воплощения нравственной доктрины. У Аксакова «поэзия и красота» детства вступают в корреляцию с миром семьи и патриархальных традиций. Счастье и смысл бытия приходят к Сереже прежде всего через семью, через Дом – в процессе усвоения жизненных воззрений матери, деда и других родственников. Иначе говоря, концепция счастья зиждется у Аксакова на коренной связи человека с кодексом семьи и ее духовно-бытовыми традициями. И основу «культурологической концепции» аксаковской «исповеди» образует постулат о том, что залогом гармонического развития ребенка является не только нравственная составляющая, столь значимая для Толстого, но и приобщение дитяти к базовым, культурным ценностям своего народа.

В заключение несколько выводов. В аксаковском цикле получили развитие отдельные сюжетобразующие принципы толстовского автобиографизма. Основу толстовского «рассказа о себе» образует анализ нравственно-этической эволюции личности. Структурная организация аксаковского цикла зиждется на совмещении показа «микромира» и «макромира» детского сознания с тем, чтобы выявить духовно-культурологическую эволюцию ребенка. Если Толстой обогащает традицию художественного самопознания показом «диалектики души», то автор «Детских годов» создает культурологическую концепцию детства и тем самым открывает новую страницу русской художественной автобиографии.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. 640 с.
2. Анненкова Е. И. Творческий путь Степана Тимофеевича Аксакова // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 5-32.
3. Кузнецов В. «Утихнут мнимые бури...» // Москва, 2003. № 10. С. 210-215.
4. Кузьмина Г. Ш. Синэргетика концептосферы С. Т. Аксакова как русской языковой личности в диалогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2005. 23 с.
5. Машинский С. М. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М.: Художественная литература, 1973. 576 с.
6. Николаева Н. Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова. Формы письма и традиции жанра: дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2004. 207 с.
7. Савина Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в.: Л. Н. Толстой. «Детство». С. Т. Аксаков. «Детские годы Багрова-внука». Н. Г. Гарин-Михайловский. «Детство Темы»: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2002. 386 с.
8. Сальникова В. В. Динамика лексического компонента образно-языковой картины мира ребенка на материале книги С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»: дисс. ... к. филол. н. Бирск, 2006. 261 с.

ON THE PRINCIPLES OF PLOT-FORMATION IN THE AUTOBIOGRAPHICAL SERIES OF S. T. AKSAKOV AND L. N. TOLSTOY

Tsirulev Aleksandr Fedorovich, Ph. D. in Philology
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
tsirulev.al@yandex.ru

In the article the autobiographical series of S. T. Aksakov and L. N. Tolstoy in terms of plot-formation and embodiment of the ways of “artistic self-objectivization” are considered. The biography of S. T. Aksakov is based on the personal self-discovery, not on the principles of “creative memory” and “children's identity” of the narration. In L. N. Tolstoy's autobiography the method of profound psychologism prevails. S. T. Aksakov masters the autobiographical forms where the deep connections of the human “I” with the cultural heritage of the nation are analyzed.

Key words and phrases: genre; modification; culturological type; plot; creative memory; “I” – hero.